

ическое прошлое своей родины въ такомъ опозитивированномъ видѣ, что, по прочтеніи ихъ, современный шляхтичъ долженъ наполниться тоской объ этой угасшей жизни, полной крови, среди дымящихся развалинъ мѣстечекъ и сель, но и полной отвагъ, свободы, веселья и любви, пировъ и упоенія; какой ничтожной и скучной покажется ему его жизнь въ сравненіи съ жизнью Володѣвскаго и прочихъ рыцарей минувшей счастливой поры. Геніальный польскій художникъ показывалъ въ Петербургѣ свою удивительную композицію «Битвы подъ Грюнвальдомъ». Въ срединѣ свалки рвется впередъ на конѣ молодой король, одухотворенный отвагой, навстрѣчу улыбающейся ему уже издали побѣды, напоминающій—Георгія Побѣдоносца; надъ нимъ въ облакахъ художникъ помѣстилъ образъ Божіей Матери. Мы въ правѣ заключить о намѣреніи художника убѣдить зрителей въ томъ, что само Провидѣніе покровительствовало побѣдѣ Польскаго короля. Въ тѣхъ-же залахъ потомъ появилась выставка картинъ русскаго художника съ изображеніемъ эпизодовъ русско-турецкой войны, но какая разнища. Покатость холма послѣ отступленія русскихъ, не успѣвшихъ захватить убитыхъ товарищей, надъ которыми потѣшаются турки, обдирающіе мертвецовъ; безконечно-длинный обозъ съ ранеными, тянущійся по страшной распутицѣ; въ углу картины полковой священникъ въ черной ризѣ, совершающій папихиду надъ сотнями, а можетъ быть и тысячами убитыхъ; сизая струйка дыма подымается изъ дрожащей въ его рукѣ кадильницы, развѣваемая вѣтромъ изъ подъ надвигающейся темной тучи; замерзающіе на Шибкѣ часовые: „все спокойно“: такъ-ли долженъ былъ изобразить художникъ—мыслитель и патриотъ славную для насъ войну, какъ-бы оправдывая ея печальный финалъ въ Берлинѣ? Художественная цѣнность всѣхъ этихъ произведеній искусства одинаково велика; для картинъ русскаго живописца она оказалась по карману только такому меценату какъ Третьяковъ. Лучшій русскій военный авторитетъ, по поводу другаго романа гр. Толстого, объявилъ мечты о вѣчномъ мирѣ утопией; спокойствіе міра безъ войны и ея доблестей будетъ походить на спокойствіе кладбища, говоритъ онъ, ссылаясь въ этомъ случаѣ на самого Гегеля, правда, не совсѣмъ удачно. А все таки многіе скажутъ, что Третьяковъ былъ правъ, купивъ картины Верещагина для своей галлерей. Послѣ пораженія подъ Шлевною Императоръ Алек-